

будущим агентом Коминтерна и основателем Франкфуртской школы. Во время учебы в Германии он стал учеником логика и математика Д. Гилберта, который стремился покончить с теоретическими вопросами Б. Римана, доказывая, что вся математика может быть построена на вечных аксиомах. К 1931 г. он изучил работу К. Геделя, который полагал, что любой набор аксиом, которые искали Гилберт и фон Нейман, неизбежно неполон и во всяком множестве существует некий иррациональный остаток. Эта работа была шоком для фон Неймана, и до конца дней своих он в частном порядке полемизировал с Геделем.

Фон Нейман обратился к теории игр, которыми он интересовался в самом начале своей карьеры. Однако действительным основателем теории игр является Э. Борел, ветеран Первой мировой войны и профессор Сорбонны. Борел в 1921 г. написал ряд работ в указанной области и доказал, что игры не могут быть использованы в военной области как модель стратегии. Борел знал, что говорил, ибо впоследствии он стал депутатом Сената Франции и министром ВМФ страны, а во время нацистской оккупации он не стал коллаборационистом, но оказался признанным героем Сопротивления. В 1953 г. работы Борела были опубликованы и стали известны на фоне растиражированного образа фон Неймана как американского крупного ученого, в результате плагиат фон Неймана открылся. Фон Нейман настаивал на военном использовании теории

игр в целях разработки стратегического анализа. Он полагал, что вся человеческая деятельность может быть предопределена и предсказана средствами математического моделирования, поскольку люди — не что иное как эффективно организованные, «большие природные автоматы».

В 1944 г. фон Нейман и О.Моргенштерн, работавший в институте передовых исследований в Принстоне, написали и издали книгу «Теория игр и экономическое поведение», в которой доказывали ныне общепринятую адептами либерализма идею о том, что экономическая активность подвержена строгому детерминистичному моделированию. Парадоксально, рыночная свобода полностью моделируется! Современные сложнейшие математические модели экономики полностью вытекают из корпуса идей фон Неймана. Последний был настолько уверен в своем моделирующем могуществе, что полностью отрицал саму возможность и идею случая.

БОЛЕЗНЬ ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМА В СТРАНАХ БАЛТИИ

Н.Н. Винник

Винник Надежда Николаевна — выпускница Гуманитарного университета.

В новых государствах, образованных в результате распада СССР, можно наблюдать рост этнонационализма, который выражается прежде всего в принятии ограничительных законов о гражданстве и тактике политической маргинализации инородцев.

Страны Балтии выглядят на карте всего лишь небольшим клочком на северо-западе Европы. Однако здесь происходят уникальные процессы, отражающие тенденции и подходы к решению сложных этнических, политических и экономических проблем, сформировавшихся за последние годы.

В республиках СССР поощрялась этническая составляющая во властных структурах. Это была основа будущего этнонационализма. Под этнонационализмом мы понимаем социально-политическое движение, направленное на осуществление государственного строительства по этнокультурному принципу и на утверждение общественной гегемонии «нации-ядра», обычно именуемой «титальной нацией» или «государствообразующей нацией» (1).

Политические интересы существенно влияли на развитие межнациональных и этнополитических конфликтов. Практически в конце 80-х и начале

90-х годов национальные проблемы (точнее — этнонациональные) оказались главными в политической жизни СССР. Национальные чувства были мобилизованы и приведены в действие при решении вопросов о сецессии ряда союзных республик, прежде всего в Прибалтике. Ученые и политики спорили, в какой мере такие факторы, как изменения в стратификации этносов, социальный диссонанс, интересы политиков, стремящихся к власти, борьба за власть и др., определяют развитие конфликтов, каково их значение на отдельных этапах.

Титульные национальности считают себя не меньшинствами, а народами, нациями в этническом значении, хотя реально не являются доминирующим по численности большинством. Неудивительно поэтому, что некоторые государства рассматривают значительные группы нетитульного населения именно в качестве меньшинств, не принимая формул равного партнерства, как это имеет место, например, в Латвии в отношении русских.

Во многих из них практикуется кадровая политика, приводящая к вытеснению лиц, не принадлежащих к титульной нации, из высокодоходных секторов бизнеса. Их стараются не допускать на ключевые посты в производственном, торговом и образовательном менеджменте.

Источником этнонационализма может служить социальная почва — конкуренция за рабочие места, особенно в престижных сферах деятельности. Такая конкуренция возможна как между представителями доминирующей этнической общности и другими группами в самом государстве, так и с иммигрантскими группами. Особо высокий

экономический статус некоторых диаспорных групп даже по сравнению с доминирующим этносом тоже может стать источником националистических ориентации. Так, высокое представительство русских и евреев в бизнес-элите Эстонии и Латвии поддерживает национал-изоляционистские ориентации по отношению к русским и России.

В период распада СССР не всегда было ясно, от имени кого происходило самоопределение постсоветских государств. Только Россия объявила свой суверенитет от имени «многонационального народа», тогда как в большинстве других бывших союзных республик инициатива исходила от титульной этнонации. Лишь впоследствии в Литве заговорили о гражданской нации, а в самое последнее время заявляют о гражданской нации в Латвии и Эстонии.

При всем разнообразии политики, проводимой правительством стран Балтии, в ней можно выделить два основных направления, которые касаются этнических групп: интегрирующая политика и политика культурного плюрализма. Интегрирующую политику сегодня демонстрирует, например, Эстония: тот, кто не знает эстонского языка и культуры, не является здесь гражданином государства. Но именно эта республика подвергается жесткой критике как изнутри, так и извне.

Оформление собственности очень часто оказывается связанным с доступом к властным структурам (получение кредита, аренда помещения и т.п.), именно поэтому социальные интересы оказываются связанными еще и со стремлением доступа к власти. Русские в Эстонии, Латвии хотят быть равноправными гражданами не только из чувства собственного достоинства, но и потому, что для «негражданина» существуют ограничения в доступе к собственности. А эстонцы и латыши этими привилегиями хотят пользоваться преимущественно, ссылаясь на то, что и так в 1995 г. не менее 60% бизнеса было сосредоточено в руках русских и евреев.

Антиассимиляционные настроения (восстановление коммуникативных функций «родных языков», восстановление утраченных элементов традиционной культуры и т.п.) перерастают в движение за восстановление достоинства, которые начинают восприниматься не только в психологическом плане, но и в политическом — как потребности в самоутверждении вплоть до суверенитета в разных формах. Термин «русскоязычное население» был создан идеологами национальных движений трех Балтийских стран, чтобы обозначить «некоренное» население, поскольку оно не было этнически чисто русским.

Чрезвычайно важен демографический фактор. При сталинском режиме большое количество эстонцев было депортировано и брошено в концлагеря. На их место за годы аннексии приехали сотни тысяч работающих иммигрантов. Не менее важно и то обстоятельство, что подавляющее большинство этих иммигрантов — этнические русские.

Поскольку формирование общины русскоязычного населения происходило не вследствие естественных причин, а путем целенаправленной вербовки рабочей силы для удовлетворения хозяйственных интересов, то этот контингент с демографической точки зрения имеет ряд специфических особенностей. Прежде всего, его расселение неравномерно: например, в Эстонии более 80% русских проживает либо в Таллинне, либо

в Северо-Восточном регионе. Другая характерная особенность — крайне высокая урбанизированность русскоязычного населения. В сельской местности проживает лишь 8,5%, остальные сосредоточены в городах.

Что касается занятости в народном хозяйстве, то некоренное население сосредоточено главным образом в тех отраслях, которые относились к сфере союзного подчинения: машиностроение, энергетика, строительство, транспорт. Здесь они составляют основной контингент работающих. В значительной мере это относится и к предприятиям легкой промышленности.

Наконец, стоит упомянуть и о том, что социально-профессиональный состав русскоязычной общины также отражает искусственность ее формирования. Здесь преобладают рабочие и техническая интеллигенция, сосредоточенные в немногих указанных выше отраслях народного хозяйства. Гуманитарная интеллигенция и студенты представлены недостаточно, причем контингент гуманитарной интеллигенции, особенно в Таллинне, тоже специфический: это, в значительной части, члены семей военнослужащих.

Современное общество в странах Балтии является многонациональным. Восстановление предвоенного состояния, т.е. моноэтнического национального государства с незначительной долей национальных меньшинств, представляется крайне маловероятным. Разумеется, вовсе исключить такую возможность в более или менее отдаленном будущем нельзя, но для этого должно быть задействовано такое число различных факторов, что реальность их актуализации практически исключена. Например, невозможно ожидать всерьез бурного роста рождаемости среди эстонского населения, или массовой ассимиляции «инородцев». Более обоснованными являются расчеты на добровольную ремиграцию. Но здесь надо учитывать и ситуацию в России, как наиболее вероятном месте переселения. В России же ситуация с беженцами и переселенцами и без того является достаточно напряженной, и с каждым месяцем лишь ухудшается.

Остаются лишь два пути «исправления» демографической ситуации. Либо массовая насильственная депортация, либо открытый межнациональный конфликт. На первое у эстонского общества явно нет ни сил, ни моральных оснований. Что касается второго варианта, то это может привести к таким непредсказуемым последствиям, что само существование эстонцев будет поставлено под угрозу. Поэтому и реализуется политика «мягкого выдавливания» путем оттеснения в сторону и изоляции.

В настоящее время русское сообщество стран Балтии находится в крайне неблагоприятных условиях. Подавляющее большинство некоренного населения было совершенно не подготовлено к распаду СССР и восстановлению независимости прибалтийских республик, и только сейчас начинает оправляться от этого социально-психологического шока.

Поддержка независимости международной общественностью и российскими демократами обусловила в среде местных русских явное недоверие к демократическим ценностям вообще. Структурная перестройка экономики и разрыв экономических связей с Россией сильнее всего отразились на положении работников бывших союзных предприятий. Они составляют основной

контингент безработных и частично занятых, а это означает не только материальные затруднения, но и понижение социального статуса и возникновение чувства ущемленности.

Складывающаяся в странах Балтии политическая ситуация все более приобретает черты так называемой «этнической демократии». Характерной особенностью режимов этого типа является комбинация национализма и плюрализма. Наличие этнического меньшинства воспринимается как досадная помеха, подлежащая локализации и изоляции. В то же время, декларируемые демократические принципы и процедуры позволяют рассматривать эту проблему как временную и поддающуюся решению — в духе навязывания меньшинству собственных стандартов и, в идеале, с последующей его ассимиляцией. Меньшинство оказывается именно «проблемой», а не частью общества, и их интересы не рассматриваются как часть национальных проблем. Поэтому правящий режим занят в своих действиях негативными вопросами порядка и стабильности, а не позитивной интеграцией меньшинства. Единственно возможный политический сценарий поведения для меньшинства — минимизация помех, «лишь бы не мешали». Меньшинство — это те, кого в лучшем случае терпят, но никак не партнер в осуществлении демократии.

Ситуация с правами человека и правами меньшинств в странах Балтии находится в заметном противоречии с духом и тенденциями современного международного права. Прежде всего, следует отметить, что отсутствие в настоящее время гражданства у большей части русскоязычного населения стран Балтии само по себе создает прецедент тотальной разницы в правах для двух больших групп постоянного населения одной страны — граждан и неграждан. Несовпадение этих прав имеет место на практике во всех государствах, но обычно доля неграждан в них весьма невелика, лица этой категории, как правило, новопоселенцы, их вклад в экономику страны пребывания не очень существенен. В Эстонской Республике в этом смысле сложилась беспрецедентная ситуация, когда негражданами (а точнее — людьми, помимо их воли лишенными гражданства) является более трети населения.

Идеология разделения постоянного населения страны на две неравноправные группы — одна часть населения имеет гражданские и политические свободы и обладает всем комплексом прав человека, вторая в лучшем случае теоретически обладает только правами человека, но не гражданскими правами — приводит к ситуации, в которой возможна дискриминация представителей второй группы и в области прав человека.

Нельзя не понимать, что принятый путь восстановления государственной независимости позволяет использовать принцип «ретроактивного применения законодательства» (придание закону обратной силы) по отношению к большей части постоянного населения, которое в силу исторических обстоятельств не могло руководствоваться в своей жизнедеятельности теми законами, в нарушении которых их обвиняют.

Существует множество всякого рода спекуляций и пропагандистских мифов, как со стороны радикальных эстонских националистов, так и среди сторонников сохранения (или возрождения) империи. Обе группы исходят из того, что все, или подавляющее большинство русскоязычного населения враждебно идее независимости как

основной ценности, разделяемой эстонским народом. На этом основании делается вывод об изначальной нелояльности «инородцев» эстонскому обществу и государству.

Национал-радикальные политики, правда, готовы сделать исключение для так называемых «коренных» русских — тех, кто являются потомками граждан 1940 г., или тех, кто всю жизнь прожил в Эстонии — в отличие от «мигрантов». Надо сказать, что некоторые основания для подобных утверждений есть. Можно сделать вывод, что процессы, происходящие в общественном сознании, отражают тенденции сближения ценностей и установок коренной и не коренной частей населения. Поэтому следует полагать, что межэтническое противостояние не является доминантой политической ситуации, и интеграция общества вполне возможна.

С другой стороны, языковая и культурная разделенность основных групп препятствует развитию гармоничного сотрудничества и при определенных условиях может перерасти в конфликт, где национальные признаки, как наиболее очевидные, окажутся основой для социальной идентификации.

Целенаправленная политика вытеснения русскоязычного населения из республик Балтии проявляется в первую очередь в экономических мерах. Русскоязычное население существенно ущемлено в социально-экономических и имущественных правах. По эстонскому закону о земельной реформе только граждане являются субъектами приватизации земли. Неучет трудового стажа, наработанного за пределами Эстонии, сказывается при приватизации жилья и начислении пенсии. Таким образом, создана система факторов — политических, экономических, социальных и правовых, — конечная цель которых заключается в постепенном вытеснении русского населения на «историческую родину».

Сделаем некоторые выводы. Этнонационализму изначально могут быть присущи демократические черты, но чаще всего он быстро становится популистским. Придя к власти, этнонационалисты в основном делают ставку на авторитарные режимы, где свобода понимается прежде всего как свобода от инанационального господства. В экстремальном случае нация-государство превращается в этнократию. Тенденция к этнократии приобретает особую силу, когда титульная нация составляет меньшинство или незначительное большинство страны (как, например, в Латвии и Эстонии) и, соответственно, не имеет возможности опереться на «естественный» вес многочисленного и экономически доминирующего большинства. Возведенные в систему правовые и социальные привилегии титульной нации тогда легитимируются как компенсация за перенесенную в прошлом дискриминацию. Если борьба против количественно и экономически сильного либо поддерживаемого извне меньшинства требует концентрации всех сил титульной нации, то такая нация не может себе позволить роскошь демократического плюрализма. Противостоять названной тенденции способно лишь такое правительство, которое окажется в состоянии найти баланс между полиэтническим патриотизмом и этнонационализмом титульной нации.

1. Данное определение этнонационализма сформулировано О.Ф.Русаковой: Русакова О.Ф. Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии. Екатеринбург. 2001. С. 30.